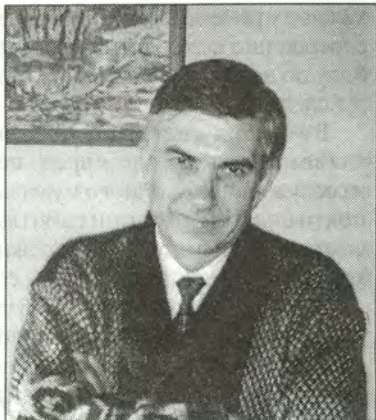

ЛЕВЧЕНКО Николай Романович

Родился 27 апреля 1947 года в поселке Уркан Тындинского района Амурской области. Окончил Благовещенский медицинский институт. Работает преподавателем кафедры патологической анатомии Амурской государственной медицинской академии, кандидат медицинских наук. Член Союза писателей России с 2004 года, автор трех книг стихотворений и поэм.

Без опушки большой лес не живет

Конец моей творческой биографии более очевиден, нежели начало, поэтому я озабочусь последним, хотя, собственно, и не знаю, с чего начать. Наверное, с того, что, как и все дети, имел карандаши, иногда — сухие, предельно дешевые карандашники акварели, с трудом размываемые водой. Кисти были еще ужаснее, их грубая щетина, которая растопыренно торчала, не вдохновила начать творческую биографию художника. Она началась позднее.

С литературой было проще: она присутствовала в областной библиотеке, в которую мой папа начал водить меня довольно рано. Самым запомнившимся детским подарком была стопочка тонких дешевых детских книжек, наверное, сказок, — неважно. Важным был сам факт присутствия книжек, который умножался всю жизнь. Уважение к книге в семье нашей было несомненно, хотя покупалось их довольно мало по причинам чисто финансовым. Не могу сказать, по каким соображениям, но выписывалась «Литературная газета», в те дальние времена газета чисто писательская, тоненькая и малоинтересная, но зачем-то нужная моему отцу. Он был рабочий, с семью классами, прошедшими в благо-

вещенской школе № 4, где в то время преподавала литературу Ершова, внучка автора «Конька-Горбунка», а где-то рядом училась Вера Жакова, многим известная по переписке с Горьким. Он часто и с гордостью рассказывал мне о своей школе. Дальнейшего образования у отца не получилось по причинам вынужденных трудов на северах, причинам для того времени обыденным. Отец не был начитанным, для этого никогда не хватало времени, но уважение к печатному, и тем более поэтическому, слову было. Вспоминаю, как совсем малышом присутствовал с отцом в горпарке на каком-то писательском вечере, где разные дяди читали свои стихи, отрывки рассказов и повестей, кто и о чем — не помню. Помню сам удивительный факт возникновения и присутствия поэзии и прозы в скучноватых пределах нашего городка. Это было большим открытием.

Матушка моя была большая любительница чтения. Когда ею заканчивалась какая-нибудь книга, она заявляла, что осиротела. Читала мне наизусть Некрасова. Ей я обязан и уроками живописи, правда, довольно необычными. Она долгое время была заядлой вышивальщицей, вышивала гладью. Занятие по тем временам было популярным, главное в другом. Ее рукоделия отличались от рукоделий многих ее подруг, почти одинаковых по рисунку вышивок, одним свойством, которое бы я сейчас назвал гармонией цвета. Это ее врожденное чувство цвета я предметно ощутил. Не уверен, впрочем, что сам им обладаю.

Я избыточно пространно описываю обстоятельства своего детства, связанные с литературой и искусством, по двум причинам. Первая: в воспитании детей «нам не дано предугадать», когда и каким образом прорастет любое наше с ними вместе пережитое событие, имеющее отношение к духовной жизни. То, что моя бабушка однажды привела меня, пяти- или шестилетнего, на службу в храм, лет через сорок позволило легко ощутить себя верующим человеком. Отсюда следует: таких событий должно быть как можно больше.

И второе — для меня самое главное. Это ощущение, что жизнь моих родителей, исковерканная суровым и несправедливым временем, тяжким трудом и лишениями, их несбывшиеся надежды были переложены на меня, хотя впрямую мне об этом никогда не говорилось. Не говорилось, но я это точно знал и знаю до сих пор. Все мы большие должники наших бесследно, словно трава, ушедших родителей, пра- и прапрародителей. Чем возратить их, эти долги любви и надежд? Только своей благодарной памятью, воплощенной в нечто более прочное, чем сама жизнь. Такой воплощенной памятью и является искусство.

К творчеству меня в какой-то степени подтолкнуло то обстоятельство, что в школьные годы я был страшным заикой. Изложить мысли на бумаге, в виде рисунка или текста, какой бы трудной задачей это ни казалось вначале, все же оказывалось для меня делом более легким, чем их устное изложение. Так наши достоинства могут быть продолжениями наших недостатков — и даже чаще, чем наоборот.

Я вначале учился в старой, еще восьмилетней, школе № 11, что стояла тогда на улице Ленина, на месте теперешней областной библиотеки. Это была маленькая уютная школа в два этажа, где все знали всех. Литературу преподавала Мария Федоровна Новикова, долгих ей лет и моя бесконечная благодарность —

она была великолепным учителем. Много позднее у нее учился замечательный прозаик Володя Илюшин. Мария Федоровна хвалила мои сочинения, но только не за их грамматические свойства. Позднее моим Лицеом была, воспетая мне отцом, школа № 4, никакая другая и быть не могла — хотя «четвертая» и не подходила мне по району.

Движимый здоровым юношеским чувством объять необъятное, я корпел по вечерам в изостудии Дома офицеров, где рассеянно преподавал Валерий Алексеевич Маклаков, очень мощный живописец. Я отплатил ему тем, что несколько лет спустя преподавал медицину его дочери. К тому времени я с отличием закончил мединститут, аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию — писательство мое в те времена ею и ограничивалось, не считая нескольких лет переписки с моей будущей (ныне теперешней) женой. Переписка оказалась плодотворной — теперь у нас два взрослых сына.

Сразу после окончания аспирантуры закуплено было оснащение для занятий живописью, ею я и заполнял паузы между домашними делами и работой. Еще эти паузы заполнялись общением с художниками. Среди них были и высокие профессионалы, и любители, каждый по-своему открывавшие мне этот мир линий и красок, существующий вокруг нас. Одно время мы объединялись в некую ассоциацию областного масштаба, и я имел честь несколько лет возглавлять ее. Примерно в то же время собственная самонадеянность привела уже бывшего заика на телеэкран, где он в течение нескольких лет беседовал об искусстве с разными здешними художниками, знакомя с ними публику. Что ж, выражение любви может принимать самые причудливые формы, выражение любви к искусству в том числе.

Году в 98-м мои стихи, которые я писал от случая к случаю, по инициативе моих друзей попались на глаза редактору Владиславу Лецику. Следствием этого стал выход в 2000 году моей первой книжки стихов «Друзьям и рекам». Дружбу с Лециком окончательно скрепила вторая книжка стихов «Тебе и Городу», напечатанная уже по инициативе администрации Благовещенска. Кстати, в 2004 году эта книжка стихов получила диплом как лучшая поэтическая книга года. По этим двум книжкам я был принят в Союз писателей России.

В нынешнем году, юбилейном для дорогого мне Благовещенска, вышла книга стихов «Городской романс» — с легкой, но щедрой подачи ОАО «Амурская ярмарка», за что искреннее спасибо. Все книги оформлены моей графикой и акварелями, и все они издавались благовещенским издательством «РИО».

Кажется, этим и исчерпывается на сегодняшний день моя творческая биография, точнее, меньшая ее часть. Большая по объему — то творчество, которое совершается мною как врачом и преподавателем медицинской академии. Вслед за Чеховым могу повторить, что медицина — моя жена, а литература — любовница. Как и живопись. Чехов, конечно, кокетничал, зато любовниц у меня, получается, две. Многовато, но так уж вышло.

Если бы я оказался перед выбором, то предпочел бы литературу — как особу более серьезную. К тому же, кажется, у нее я пользуюсь несколько большим успехом: Немного о состоянии наших отношений. Несколько слов о том, как

они складывались. Начнем с того, что я никогда не был эрудитом в поэзии, в большей степени из-за лени, в меньшей — из-за инстинктивной осторожности. Я имею в виду, что творческие шестерни могут увязать в избыточности информации, как в избыточной смазке. В студенческие годы, как все, был увлечен героями того времени — Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной и Рождественским. Долгие годы следил с большим интересом за Николаем Рубцовым. Как житель Благовещенска, обязан был знать Завальнюка — и знал. Он — великий поэт. В последние годы много читал Бродского и через него — стихи тех, о ком он особенно хорошо отзывался, Евгения Рейна например. По моему мнению, Бродский достойно достроил классическую русскую поэзию 20-го века, из рук Ахматовой приняв ее незамутненные советскими обстоятельствами качества. Среди них, несомненно, — культуру классической русской гимназии, ее высокий вкус. К тому же ему повезло создать героический ореол вокруг своей личности, как Есенину или Маяковскому. Едва ли у него будет такая же слава, что объяснимо: он — тяжелая индустрия поэзии, его поэзия — это поэзия для поэтов, как у Цветаевой или Мандельштама. Как и о физике-теоретике Льве Ландау, о нем бы знали немногие, не получи он заслуженную Нобелевскую премию.

Говоря о великих, должен заметить, что и поэты невеликие достойны уважения: без опушки большой лес не живет. К этой опушечной флоре я отношу и себя. Не занимаясь литературой профессионально, я свободен от необходимости что-то кому-то доказывать, кому-то нравиться или не нравиться. Только себе и тем немногим людям, которые являются для меня эталонными читателями. Пишу долго и медленно, переделываю по десять раз. К другому моему литературному недостатку относится немотивированная склонность к написанию длинных поэм — это верный способ отвратить читателя, а им надо уважительно дорожить.

И в заключение должен сказать о главном. Писать, может, и трудно, но порой написанное на какое-то время создает ощущение счастья. Дело в том, что всякая мысль или чувство до овеществления их в слове будто бы и существуют только на уровне предчувствия, и существуют ли вообще — неясно. И только в словесной форме приобретают свою действительную жизнь. В слове каждое мгновение может жить долго. Это почти что сотворение мира. Можно ли после этого не быть счастливым?

Николай Левченко

Книги Н. Левченко

Городской романс : стихи / Н.Р. Левченко. – Благовещенск : Амур. ярмарка, 2006. – 126 с. : ил. – (Благовещенск. Из века в век).

Друзьям и рекам : стихи / Н.Р. Левченко. – Благовещенск : РИО, 2000. – 54 с. : ил.

Тебе и Городу : стихи / Н.Р. Левченко; [ред. В.Г. Лещик; рис. авт]. – Благовещенск : РИО, 2003. – 79 с. : ил.